

Номер создан при посредничестве интернет-ресурса
Стетоскоп.Да.Ру (<http://stetoskop.da.ru>)
и выходит в свет одновременно
в Париже и Санкт-Петербурге

СТЕТОСКОП «ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

33/34

За созидание прямой и косвенной речи!

За созидание прямой и косвенной речи!

СТЕТОСКОП «ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

33/34

издатели: Митрич+Богатырь
париж 2002

Чужая ЖИЗНЬ

Валентин Воробьёв Друг Земного Шара!	3
Вацлав Ас Подражания	22
А. И. Гурфинкель О друзьях и приятелях	25
Неизвестный автор Ровно тогда как сомкнется...	29
Вилли Мельников Стихи на муфтолингве	30
Александр Ле Дом	39
Митрич Происшествие	47
Ирина Даурова Один день Александра Сергеевича	51
Творчество наших читателей Чистый лист	57
Первые Стетоскоповские чтения в Санкт-Петербурге	58

При оформлении
журнала
использованы
графемы
Александра Елсукова
и рисунки
Александра Пушкина

Валентин Воробьев

Поэт

Игорь Сергеевич Холин –
наш современник и друг. Его жизнь
и творчество прошли на виду у сотен благодар-
ных почитателей и ненавистников, но составить крат-
кую биографию «неофициальному лицу» никому не прихо-
дило в голову, а с кончиной поэта 15 июня 1999 года в городе
Москве его личные документы бесследно исчезли из его домашней
тумбочки, как «секрет не для печати!»

Ать! Ать! Так вашу мать!..

Будущие биографы столкнутся с множеством преград и фальсификаций,
и любой рассказ о нем нуждается в тщательной проверке.

Шире дорогу новаторам!..

Нам остается стихотворная справка «о себе»: «Я познакомился с земным шаром
в 1920 году. / В этом году родился на свет. /Отец – неизвестен».

Остается – что слышно, что говорят и вспоминают «друзья земного шара», вместо
простейших и необходимых – паспорт, трудовая книжка, военный билет и почетные грамо-
ты в заслугах.

Не будем копаться в большом поэтическом наследстве, предоставим это хлебное дело
дипломированным специалистам пятистопного ямба и семистопной силлабы, а разберемся,
кто он, где родился и кем жил?

По словам его дочки Арины (Ирины? Орины?), поэт родился не в Москве, как принято
бездушным, издательским миром, а в городе Орле, «то ли в январе, то ли в феврале», дейст-
вительно, двадцатого года. Значит, на Руси бушевала гражданская война.

«На коня, пролетарий!»

Из сумбурных показаний сестер, – говоря о дочках Холина, надо сразу заявить, что млад-
шая Арина (Ирина?) ненавидит старшую Людмилу и наоборот, а мужа за их спиной им следу-
ют, – выходит, что мать поэта – «белошвейка из-под Истры» (девичья фамилия «белошвейки»
не установлена! Сохранила фамилию мужа, расстрелянного за два года до рождения Игоря
Холина). «Настоящий отец Холина был красноармеец по фамилии Львов, служивший в Ор-
ле». Не будем придирааться за что расстреляли законного мужа, некоего господина Холина.

Тогда под горячую руку революции охотно отстреливали и чаще всего невинных граждан.

И выходит, что наш Холин вовсе не Холин, а Львов! Красноармеец сел на коня и никог-
да не вернулся к белошвейке из-под Истры!

Жлоб и невозвращенец Львов!

По дороге в Москву, – а куда ещё из фронтового Орла – не в Рим же? –
любвеобильная женщина родила ещё двух дочек, и опять от приبلудных коб-
лов. Имя одной, «тетя Катя», сохранилось в памяти потомков и пригоди-
лось в нашем розыске. Семи лет от роду Игорька, – так нарекли и кре-
стили в честь какого-то блаженного князя – имя по тем временам
редкое и предполагает известное воображение родителей,
чуть шире обязательных православных святцев – удалось
сплавить в детдом, в подмосковную Малаховку.

...Много лет спустя, подчищая свою родослов-
ную, Холинские дочери, «тетя Катя»,
да и сам поэт, с лукавой

Друг
Земного
Шара!

«Я видел Холина зимой...»

И. С. Холин

ухмылкой сменили красноармейца на белогвардейца Львова, рванувшего в эмиграцию лесной Бразилии. Легенда ходила при мне в начале 60-х годов, и были попытки через приезжих иностранцев отыскать следы без вести пропавшего россиянина Львова...

Пристроив сына в «исправительно-трудовой профилакторий», а дочек «по хорошим людям», белешвейка из-под Истры растворилась навсегда, как дым. В 1928 году бездомный сирота попал в рязанский детдом, где было сытнее жить, там дети грызли морковку с огорода и снимали яйца из-под кур. Заведующий товарищ Лазаренко учил читать родную речь и считать до ста. О школьных успехах детдомовца Холина ничего неизвестно, но в 1934 году его зачислили в штат Фабрично-заводского обучения (ФЗО) при московском стекольном заводе.

Игорь Холин – стекольщик!..

«Оттуда он смылся», – легкомысленно замечает Арина (Ирина?) Холина в своей «записке».

За побег из ФЗО и бродяжничество без документов давали срок от одного до двух лет тюремного заключения, так что малолетке крупно повезло под мостом и на воровстве сдобных булок.

О чём мечтал подросток Холин, ночуя под мостом? ...Построить Днепрогэс? Сбежать в Испанию? Покорить Арктику? Сесть на трактор? Стать командиром Красной Армии?..

А первая любовь – кто она?

У Пушкина – «вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым», у Льва Толстого – «счастливая, счастливая, невозвратная пора детства, отрочества, юности проскочили мимо», у Максима Горького – «дед засек меня до потери сознания». Все прелести детства, отрочества, юности проскочили мимо Холина.

Ни нежности, ни счастья, ни деда!..

Фабрично-заводское обучение как средство отдыха советской детворы.

Дата: 1937 год – год суровый, ничего поэтического. Кругом кровавые псы капитализма, а дома пятилетка в четыре года, нож под ребро, пуля в затылок, продуктовые карточки, хотя продувные бренчали на гусях: «Спасибо вам, что в годы испытаний / Вы помогли нам устоять в борьбе, / мы так вам верили, товарищ Сталин, / как, может быть, не верили себе», – за что продувной Исаковский получал стакан водки и солёный огурец с барского стола.

Неуклюжий и прямой как фитиль, очкарик Холин – электромонтер Новороссийской электростанции.

Играл ли монтер Холин в футбол и за кого болел? – неизвестно. Прыгал ли с парашютом ГТО? – не прыгал! Ходил ли в драмкружок? – не видно! А как насчёт шахмат? – никаких сведений! Читал ли модный роман подробностей революции «Как закалялась сталь?» – наверняка не читал, не говоря уж о знаменитых куплетах Лебедева-Кумача!

В Сибирь, шагом марш!.. Советские самолеты летают дальше всех и выше всех!

Известно, что взрослый Холин, авторитет барачной поэзии, любимец московского андеграунда, умело заметал следы бывшего невежества. Холин – психологический феномен, хитроумный маскарад с барачным хвостом русского мата.

«В Харькове его подобрали какие-то бойскауты»(!).

Внесем ясность в лживый пассаж.

Дочка поэта небрежно смазала чрезвычайный поворот в судьбе безымянного монтера. Что ни слово, то явный прокол.

Арина (Ирина?) Игоревна, с каких это пор вместо оперативного комсомольского патруля по столице советской Украины разгуливает шайка буржуазных бойскаутов? Ха! Ха! Ха! Монтера Холина не «подобрали», а призвали в армию на действительную службу. Призывной возраст. Девятнадцать лет. Рубить и стрелять только на отлично! Как маршал Семен Тимошенко.

Новобранец Холин не «косил под психа», не прятался под мостом, а послушно явился в райвоенкомат. Грамотного юношу – шутка ли, человек читал и считал до ста! – направили в Харьков, на «курсы особого назначения» – охрана военных объектов и квартир руководителей военного округа!..

Вокзал. Казарма. Мост. Шахта. Завод. Колхоз. Тюрьма, – всё это военные объекты, а если под охраной концлагерь, да ещё с польскими военнопленными, то винтовку надо чистить ежедневно.

Ведомство – Н.К.В.Д. Народный комиссариат внутренних дел. Помните, что сказал товарищ Сталин: «Мы все чекисты!»

На исходе 39-й год – время тяжелых европейских потрясений, не отмеченных в СССР. Куда бросали курсанта Холина, на рубку леса или на отстрел пленных поляков, мы пока не знаем, да и ничего поэтического. Служба. Рутинка. Казарма.

За полвека советской власти доморощенные марксисты и киношники разработали два шаблона строителей коммунизма, положительный и отрицательный. Положительный тип – это добродушный, белобрысый парень «благородного сердца и широкой души», прямой кандидат в политбюро (Николай Крючков), а отрицательный – саботажник и шпион с хитрым прищуром, тайный спекулянт и провокатор (Эраст Гарин), – тощий, носатый, хитрожопый кандидат в концлагерь.

Физический облик курсанта Холина с его худобой и мягкими манерами британского шпиона не способствовали быстрой военной карьере. Какой-то чужой. Далек не продвигать.

«О войне папа вспоминал с неудовольствием», – заключает А. Х.

Ветераны Великой Отечественной войны в память победы над фашистской Германией часто собираются и бренчат медалями за бутылкой водки. Бойцы вспоминают былое. Игорь Холин никогда туда не заглядывал. Величайшая бойня века, самая истребительная мясорубка тысячелетия, смазана одним небрежным мазком.

«Мне хотелось жрать и ебать!»
Хорош гусь, а?..

Такую войну свернуть в пару слов нельзя. Грех. Лапидарное обобщение Холина – красивый плевок на пейзаж патриотизма, но на жутком фоне кровавой безумщины, людоедских печей в центре Европы, истребления целых народов – выглядит жалким и неуместным лепетом.

Зимой 41-го следы лейтенанта Холина мы обнаружили в сугробах московского фронта, где Красная армия отважно отбивала немецких захватчиков. Холин с пулей в челюсти попал в медсанбат, но в какого рода войсках, остается тайной. Боевой командир или каратель заградительных отрядов Н.К.В.Д., вот постоянный и безответный вопрос, возникающий над военной географией будущего поэта.

«Только бы не лезть под снаряды», – постоянно ноет герой холинской прозы офицер Волин (Холин?).

Профессионалы военной темы выжали из неё множество премий, медалей и почестей. Писатель Холин натянул на себя майку армейского филона и сквернословия.

На Мамаевом кургане (Сталинград, 1942) он филонил изо всех сил. Под Курском (1943) он «болен дизентерией», на Днепре (1944) он «не хочет участвовать в драке», в Треблинке (1945) не заметил печей и горы трупов, потому что «очки вспотели», о загранице (Злата Прага, аресты власовцев) ни одного ласкового слова.

Да это же открытый саботаж! Трибунал и смертная казнь!..

Хлоп, одним гадом меньше!..

Смерть немецким оккупантам!

А вообще, капитан Холин – герой! Он не бросил револьвер, не сбежал к предателю Власову, не попал в немецкий плен, а невидимкой, не замочив хромовых сапог, «прошел от Москвы до Праги».

Что значит «комендант трибунала»?

«Комендант трибунала – это своеобразный мастер оф-церемони, – вставляет по-английски Арина (Ирина?) Холина, – тот, кто следит, чтобы приговоренного как следует расстреляли».

Неужели убежденный пацифист Холин – «война – дерьмо»! – воевал со своими?

Истребительный маршрут «мастера оф-церемони» в тени и тылу великой войны: заградительный отряд, «Смерть шпионам» в военное время и палач в мирное.

Мы тщательно ищем опровержений и не находим их. Младшая дочь Арина (Ирина?), не приводя никаких доводов, считает, что «служба папы в органах МВД – дрянь и злословие, и миф. Старшая Людмила, «монстр» по классификации своей сводной сестры, судит проще: «я родилась на Украине в 1946 году. Папа служил в МВД».

Батальная картина: по краям рассыпаны банды Степана Бендеры, а в центре, на танке, капитан Холин с протянутым перстом. Чем не римский легионер в работе?

«Я вас, суки, в гроб заколочу!» – грозил комендант восставшим гайдамакам Украины.

Почему поэт (не капитан!) Холин тщательно замазал десять лет своей жизни, пять военных походов и пять послевоенной службы в исправительно-трудовых лагерях?

Невзрачный барак при лагерной зоне. Куст чахлой бузины под окном. Шторка. Патефон на подоконнике. Жена Мария Константиновна над примусом. Дочка Люда

«Продуцирование биографического континуума весьма похоже на обогащение руды; процесс тот же: повышение концентрации благодаря отбраковке ненужного. Это еще не искусство, но, несомненно, фальсификация.»

(А. Секацкий «Подмена воспоминаний» («Ступени» №2, 1994)

Жизнь тасует нас, как карты, и только случайно – и то не надолго – мы попадаем на свое место.

М. Горький

с букварем. Вокруг одни строители коммунизма. Эки и охранники. Умереть можно со скуки.

С бутылкой водки приходили сослуживцы, «начальник распределения заключенных» и культработник, знавший стихи Есенина и Блока. Салон влиятельных людей.

Гоп со смыком!..

Что такое русский барак?

Русский коммунизм здание легкой постройки, «дом барачного типа» из временного превратил в постоянное, вечное здание для размещения войск, рабочих, крестьян и заключенных. Советский барак стал символом пролетарского государства, вечным жильем будущего человечества.

Место поэзии Холина в бараке. Барак его муза.

В 1948 году капитан МВД Холин «дал обнаглевшему солдату по морде и получил два года тюрьмы».

Знатки советской цивилизации, читавшие скороспелую выдумку Арины (Ирины?) Холиной, думают совсем наоборот. За «кулак по морде» (смотри убедительные новеллы Варлама Шаламова) не осуждали, а повышали в должности и награждали. Такими кулачными бойцами восхищались начальники и подчиненные. И кулак, и расстрелы оптом и в розницу (читай мемуары Евг. Гинсбург и Олега Волкова) списывали на суровые климатические условия русского севера. Кадровый военнослужащий Холин был наказан – это факт, но не за избивание солдата, а за более серьезный промах – совращение жены или дочки начальника лагеря? кражу трофейного имущества?

Лихой любовник (или вор?) легко отделался. Сработали связи и патефон. Его не сослали в Сибирь, а разжаловали в вахтеры, где он пристрастился сочинять куплеты в дождь и пургу.

Да здравствует советское правосудие!..

«Жди и верь и будь верна, счастье будет для тебя». «Я вернусь, вновь я буду с тобой, ты не плачь обо мне, дорогая». «Плыви наша лодка, плыви, сердцу хочется счастья, любви».

Первые поэтические опыты вахтера Холина имели огромный успех в блатном мире. Воры в законе, суки вне закона, придурки и кумовья заказывали письма матерям и сестрам в стихотворной форме. Это был успех. Холин старался вовсю.

Что читал Холин по школьной обязанности, легко проверить на современни-

ках, листавших «Родную речь» Л. Карпинской за 35-й год. Наизусть – «Кукушка и петух», басня Ивана Крылова, «Ванька» Антона Чехова, из заграничного – «Гаврош» Виктора Гюго (рассказать своими словами) и передовицы из газет – на совести советского школьника.

В армии и лагерях ходили в списках стихи Сергея Есенина. Его ценил воровской мир. Первый собрат Холина по перу, культработник, оставшийся безымянным, знал о существовании Александра Блока. «По вечерам над ресторанами».

Пристрастная Арина (Ирина?) Холина считает, что «Блока выдавали по талонам». Правда А. А. Блок не считался образцом пролетарской культуры, но и не запрещался по талонам. Его размещали мелким шрифтом в конце хрестоматии для факультативного чтения.

В 50-м, в избе-читальне лагеря Долгопрудный, библиотекарь Ольга Ананьевна Потапова выдала самоохраннику Холину «Избранное» Блока с вопросом «Вы поэт?» – «Да, поэт!» – ответил читатель. – «Тогда приходите ко мне в гости, почитайте стихи.» Так состоялось историческое вхождение бесконвойного ээка Холина в мир русской поэзии, в семью барачных поэтов.

Лагерный любитель поэзии сбежал с первой читки – смекнул, что в бараке поэтов тесно и холодно, патефон сломан – а Холин застрял навсегда.

Где, на каком этаже расположен русский поэт?

Тысячу лет «Святая Русь» во тьме кромешной мракобесия и юродства, при лучине распевала славянские псалмы. Царь Петр Великий издал первую газету и, говорят, знал наизусть силлабические вирши. Потом был камергер Карамзин, камерюнкер Пушкин, буревестник Максим Горький и куча (стая?) сталинских соколов: Твардовский, Яшин и Маршак (схватил, не глядя на лица, их множество) – бойкого пера казенного оклада.

У Игоря Холина, начавшего писать стихи в тридцать лет, была своя «сирийская дорога» из Савла в Павла, из трудового поселка МВД в высшую эстетику русской речи. Посвящение состоялось не в приемной «политбюро», а в гнилом бараке учителя рисования Евгения Леонидовича Кропивницкого и его супруги О. А. Потаповой.

Учитель родился в девятнадцатом веке, в благородной, дворянской семье, где все рисовали, пели, вышивали и музициро-

вали испокон веков. В благоприятных обстоятельствах хорошо образованный дворянин стал бы редактором «Военного Инвалида» или либеральной «Стрекозы» с «Анной» на шее и приличным содержанием, но «великая социалистическая революция» 1917-1921 перевернула вверх тормашками налаженную жизнь русского дворянина. Вместо накатанной дороги плодотворного творчества началась давка за пайками, билетами, чад и ад коммунального жития, пятилетки в четыре года и поражение в правах. Столбовые бояре, «цвет нации», в грязи и тифу грызли каналы и валили тайгу, а культуру растаскивали малограмотные чукчи, шахтеры и безродные космополиты. Дворянский отпрыск, не сумев прорваться в эмиграцию, благоразумно спустился на пролетарское дно и залег в незаметной щели, откуда уже не вылезал. И не умел, и не хотел, и боялся.

«Я никуда в хорошие места не по-жусь», – любил повторять Е. Л. Кропивницкий.

Столбовой дворянин жил, согнувшись в три погребели, на случайных заработках «учителя музыки», «учителя рисования» или «учителя стихосложения». Дом номер 4, комната номер 17 – барачная дыра учителя в поселке Долгопрудный, Савеловской железной дороги, вонючий барак с отхожим местом на огороде, по соседству с колючей проволокой исправительно-трудового лагеря.

Избави Бог что-то ляпнуть сдуру в бараке – ведь отсюда в 46-м увели сына Лёвку, ляпнувшего о своем лучезарном прошлом, вот придурок, нашел время для дискуссий, когда товарищ Сталин – это победа!

Аллилуйя!

Щекотливые сюжеты дня: расстрелы евреев, депортация татарского народа, речи прокурора Вышинского, выгоды денежной реформы – прорабатывал и разъяснял столичный политрук особого отдела.

Тихий зять учителя десятник Оскар Рабин рисовал и строился. Зек Холин помогал ему с доставкой строительных материалов. На этом фундаменте завязалась дружба и вечный мир.

В письме меценату Наталье Шмельковой-Перельман (3 сентября 1977 года) учитель перечисляет тридцать пять «мэтров» мировой словесности, от Пушкина до Блока, достойных подражания. Конечно, до и после творили не менее великие стихотворцы,

но их Е. Л. лишь «ценит, но духом не любит». На восторженном символизме Блока замыкаются эстетические вкусы барачного старичка. Этот обязательный список не менялся до его кончины в 78-м году, хотя в списке «великих» попадались неожиданные имена, как Филарет Чернов, Арсений Арвинг, какой-то Замрайло, но ведь старичок был с причудами, и в том его историческая прелесть. Сам учитель сочинял легкомысленные стихи в духе декадентов конца века:

«И танцует косолапая оголтелая мель-тель».

В 51-м Холин окончательно вышел на волю с лагерной вахты и быстро нашел место метрдотеля в столичном ресторане «Метрополь».

...Пять модных этажей! ...Английский архитектор! ...Керамика Михаила Врубеля «Принцесса грезы»! ...Иностранная клиентура! ...Бывал Ильич! ...оркестр Яна Френкеля! ...Кадры неоднократно проверены!

«Руки мерзнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть».

По воскресеньям, с черного хода заходил «учитель». Они выпивали по рюмке и шли в кинотеатр на «Смелые люди», или на ипподром, где ставили по маленькой на «Бирюзу» или «Самурая». К ним, бывало, присоединялся неизвестно где ночевавший сын еврейского сапожника, Генрих Сапгир, метранпаж талантливых стихов.

Сладкие разговоры о пятистопном ямбе или пирихее на фоне изнурительного, если так можно выразиться, культа личности тов. Сталина, выглядели невинной школой ликбеза, однако учитель предпочитал говорить шепотом – ведь людей хватили налево и направо, а еврейский народ целиком гнали в Уссурийскую тайгу.

Власть любить мало!..

В барачном уроке изящной словесности Холин начинал с азов стихосложения, пробуя технику и форму всех поэтических размеров, доступных русскому языку. Кластер верлибра, красноармеец Илья Куклин, примкнувший к кружку барачных стихотворцев, считает, что Холин «начинал в стиле Твардовского». Вполне возможно, но стихи «под Твардовского» не сохранились, а мы предпочитаем водительство Блока. Ведь у символиста есть настоящие, холинские строчки:

«Трах-тах-тах! Трах-тах-тах!»

Сталинский сокол Твардовский до «трах-тах-тах» не опускался. У него: «Ордена

и медали в ряд / Жарким пламенем горят». Или – «Страна родная велика, весна! Великий Год!.. И надо всей страной – рука, зовущая вперед!»

Одаренный сталинский часовой Твардовский в обязательных списках «учителя» не значился, следовательно, начинающий Холин начинал поэтический полет с доступного подражания А. А. Блоку. Собеседник и собутыльник Куклин добавляет, и здесь мы дружно с ним согласны, что «Холин думал поступить в поэты», стать не стихоплетом семейного утешения, а настоящим «инженером человеческих душ». Безыскусные поэмы 50-х годов Холин читал на популярных сборищах, прикрепленных к заводам и фабрикам Москвы, вроде «Литомагистрالی» – это была прямая дорога в «Союз советских поэтов».

Двусмысленная поза Холина, вопреки общепринятой версии, «почему вдруг он нашел свой стих и плоть бытия» (Куклин), длилась более пяти лет, с 50-го по 56-й годы. В «послужном списке» И. Х. этот отрезок времени небрежно вымаран, как и военная юность. Когда сверху, из святая святых ханжества и наград советской поэзии чужаку показали большой кукиш, лира Холина затихла. Орденоносный лирик Степан Щипачев, начальник советских поэтов, считал, что «трах-тах-тах» недостаточно для советского профессионала и трусливо слинял, перекинув личное дело Холина завхозу Союза поэтов – с решительным отказом.

Гибкая диалектика сотрудника гостиницы «Метрополь» (ни фи́га себе, где устроился капитан – 120 рублей чаевых в день, не считая мизерного жалованья) балансировала между примерным семейством – Маша, Люда, ковер, комод, телевизор – и кружным путем литературного творчества.

А кто вам мешает брать? – Берите!..

Смерть любимого генералиссимуса Сталина 5 марта 1953 года значительно увеличила вес подмосковного барака. Появление в Москве придурка Льва Кропивницкого внесло свои важные коррективы. Гуманист с голубой кровью знал в Москве всех, от профессора Габричевского до «князька» Волконского. Рядом или подпольные деятели Васька Фонарщик (В. Я. Ситников), начальник подпольной академии художеств и торговли, Илья Цырлин, Элий Белютин, «мадам» Фриде, летчик Юрий Васильев-Мун, пианист Святослав Рихтер, бард Сандро Вертинский, поэтесса Соня Файн-

берг, «парижанка» Н. Т. Столярова, «австриец» Лев Слепян, католичка Горчилина-Раубе.

Начинающий поэт не отличался супружеской верностью. В модном ресторане «Метрополь» лабал джазовый ансамбль Яна Френкеля. После горячих танцев «Малыш» и «Цветущий май» чувих везли в Барвиху и до утра резвились за колючим забором.

«Евреи люди лихие. / Они солдаты плохие, / Иван воюёт в окопе, / Абрам торгует в райкопе», – складный куплет Бориса Слуцкого пели все.

«Истеричка» Мария Константиновна презирала богему и неумный блуд мужа.

Метрдотель Холин уволен за прогулы.

«У Сокола дочь мать уколола / Причина скандала – дележ вещей / Теперь это стало / В порядке вещей.»

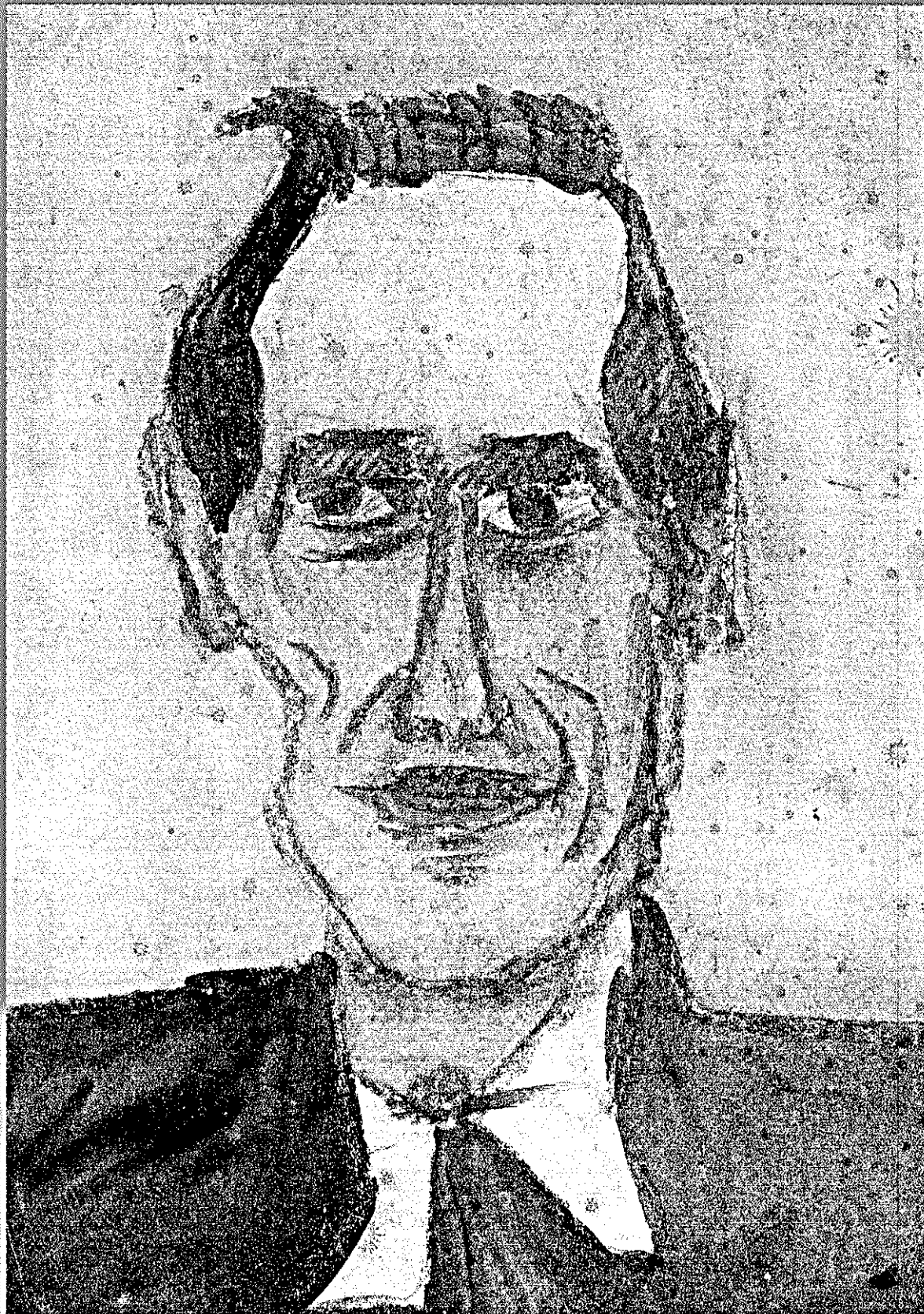
Тунеядец! Битник! Вон из страны!..

«Я помню Холина в 56-м году, – вспоминает художница Лидия Мастеркова, – в бараке Кропивницких он читал короткие, но выразительные эпиграммы. Приезжал по воскресеньям в модном пальто с накладными карманами. Фетровая шляпа, кожаные перчатки, туфли на микропорке. Высокий, сдержанный, и всегда с новой чувихой...»

Год 1956-й – год необычайный со всех сторон.

Советская литература, поставленная на любительской основе марксизма, совсем не нуждалась в ярком искусстве. Поэт Демьян Бедный, сочинитель плакатных куплетов – «От заводских громад до хаты / Искал я верной колеи / И любо мне, что в них плакаты / Со стен беседуют мои», – служил образцом для подражания. Уровень его подражателей и сам читатель были необыкновенно убогими. Смерть И. В. Сталина и судорожные потуги кремлевских вождей укрепить положение лукавой «амнистией всех идей» – публикация запрещенных романов, реабилитация эмигранта И. А. Бунина, освоение целины, выставка Пабло Пикассо, китайские плащи и чешские шляпы – лишь спугнули державу в шизофренический распад нечистой силы. Из хрестоматий русской речи исчез Демьян Бедный, но его место занял замаскированный враг Борис Пастернак.

Его «быть знаменитым некрасиво», «вальс с чертовщиной», «я в гроб сойду и в третий день восстану и, как сплавляют по реке плоты, ко мне на суд, как баржи каравана, столетия поплывут из тьмы» («Знамя»,

Евгений Кропивницкий. Портрет Игоря Холина, 1959 год

1956) – красноречиво говорят, какого мистика откопали власти.

Гей, славяне!! Упадок и бесовщина!! Поповщина и групповщина!!

Игорь Холин родился в пролетарском логове «белешвейки из-под Истры», о русской традиции потомственного ремесла знал лишь понаслышке и в кругу высшего официального пера считался опасным и ненужным чужаком.

«Холин жил в бараке и писал про барак», – утверждает барачный поэт Всеволод Некрасов, – оттуда «удар, треск, звон».

Законная жена «истеричка» Мария – женщина похабного прошлого, шаблон регулярного мира пайков, профсоюзных путевок в санаторий, кульпоходов в кинотеатр, пеленок и тетрадок дочки – героиня барачного мира?

«Она на кухне жарила картошку, / а он пришел туда за кипятком».

«Тихо. Тихо. Спит барак. / Лишь будильник: так-тик-так. / Лишь жена храпит во сне, / спать она мешает мне».

Ни учительства, ни дидактики.

Глас вопиющего в пустыне!..

В каком подпольном салоне Холин читал ставшие классикой «У метро, у Сокола» – в гадюшнике мадам Фриде, в бараке Кропивницких, в подвале трех ваятелей «Симес» – Силис, Лемпорт, Сидур, – но банальная зарисовка вошла в народное сознание навсегда.

Студенту Алику Гинзбургу пришла крамольная мысль – распространять стихи без цензуры, машинописными списками, «самиздатом». «Дело было новое, никто за это еще не сажал, хорошо шло», – вспоминает сам Гинзбург («Русская Мысль», 1987 г., Париж).

Подбор поэтов был неровный, в тетрадку Гинзбурга попали и убогие стихоплеты вроде Аронова, Чудакова, Еремина, но «удар, треск, звон» Холина покрывал все недостатки вольной прессы.

Стихи Слуцкого и Пастернака, я не говорю о бескрылых и тупых «целинниках», таких, как Евтушенко и Иодковский, не ударили так крепко в обществе, как тетрадка А. И. Гинзбурга.

Студента Гинзбурга за распространение нелегальных произведений на два года упекли в тюрьму, а поэт Холин стал так знаменит, особенно после газетного пасквиля «Паразиты карабкаются на Парнас» (1959), что его буквально разрывали на части любители настоящей поэзии.

В начале шестидесятых в центре Москвы освобождалось огромное количество подвальных помещений, самой судьбой определенных под «салоны» бездомной богемы. Их сдавали за взятки. Туда потянулся любопытный народ поглазеть на каракули подпольных живописцев, послушать запрещенные стихи, потрепаться и завести новые знакомства.

В подземелье графика из Харькова Анатолия Брусилковского, куда часто заглядывал Холин, усидчиво решали судьбы мирового искусства и зубрили английский язык под руководством его супруги Гали Арефьевой. В подвале Юло Соостера, эстета, отсидевшего срок за ржавый револьвер, чешские утописты читали доклады о «социализме с человеческим лицом» и собирали международные выставки чемоданного размера. В подвале Соболева-Нолева было особенно жарко. Он был хударедом передового журнала «Знание – сила» и кормил целую ораву беспризорных художников, отвергавших соцреализм как единственный метод искусства.

Розы, грезы и слезы!..

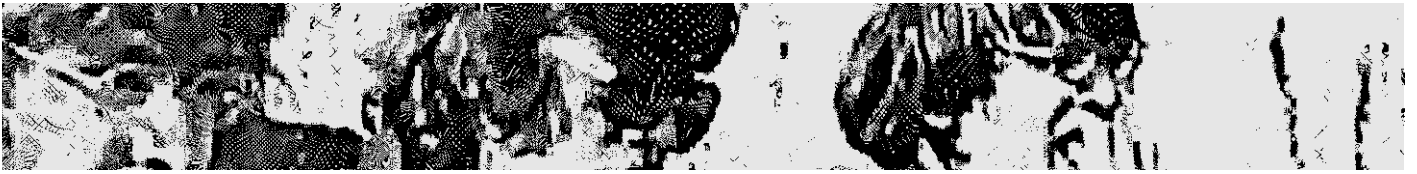
Весной 1966 года я дал взятку и получил ключи от подвала на улице актера Шепкина, 4, с косым видом на кинотеатр «Форум» и проходной двор на улицу Гиляровского, где был бесплатный телефон в котельной. Я искал квартиранта. Игорь Холин без уговоров перебрался из подвала Лиды Шевчук в мой просторный подвал на Сухаревке.

Личное имущество моего знаменитого квартиранта состояло из трех предметов: деревянная тумбочка, потертая раскладушка и пишущая машинка «Эрика» немецкого производства. Порывая с классическим прошлым, Холин прихватил с собой изысканные мелочи – трофейный помазок и опасную бритву с резной ручкой. По утрам он гладко брился, оттягивая изящную сталь на широком ремне, обливался ледяной водой, пил крепкий чай из железной кружки и надолго усаживался за машинку.

Поэт, копивший деньги на кооперативную квартиру, предложил мне общак тюремного типа, питание без сластей и расточительства: крупа, капуста, кильки, хлеб, сахар, соль. Водку и ветчину приносили гости. Модистка Ева Уманская, поклонница Холина той осени, баловала нас пончиками с повидлом. По ночам, и в дождь, и в метель, мы выползали из подвала подышать свежим воздухом, почитать новости на газетных стендах, зайти к знакомым на чай.

И. С. Холин. Фото А. Н. Брусиловского, 1966 год

В мои двадцать семь лет (1965) за мной были скандальная выставка в Тарусе и Москве (1961), пяток густо иллюстрированных книжек и «открытие Любы Поповой» на подмосковной даче (1963) – весомые доказательства передовых взглядов, и почетный титул формалиста. В зиму с 65-го на 66-й год я часто виделся с Холиным у него и по «салонам» Москвы, так что наше плотное сожительство на Сухаревке никого не удивило.

В подвал потянулись живописцы и фарцовщики, стукачи и диссиденты, трезвенники и алкоголики, друзья и враги – спорить и занимать деньги, воровать и меняться, читать свое и чужое, играть в шашки и слушать патефон. Поток гостей был так велик, что я вынужден отослать любопытных к поэме Холина «Умер Земной Шар», где перечисляются все «друзья земного шара».

В так называемом дипарте, или рисовании для иностранцев, Холин, несмотря на ограниченные эстетические познания и полное незнание иностранных языков, принимал самое деятельное участие. Я много слышал о его деловых встречах с Камиллой Грей, англичанкой, составлявшей альбом искусства 20-х «Великий эксперимент» с помощью проворного и образованного Олега Прокофьева, о культпоходах Женифер и Виктора Луи (В. Е. Лившиц) в поселок Лианозово, где работал живописец Рабин, об иностранных вечеринках у Н. И. Столяровой и Ольги Карлейль, составлявших антологию нелегальных поэтов Москвы. Своим участием в скандальной выставке подпольных художников «12» в клубе «Дружба» в январе 67-го в значительной степени я обязан хлопотам Холина и протекции Оскара Рабина.

Его прошлое скрывалось в густом тумане.

От моих прямых и наивных вопросов о его «детстве, отрочестве и юности» он отмахивался, как корабельный врач Лемюэль Гулливер от наседавших лилипутов, одним махом: «Ничего интересного». Я замечал большие провалы регулярного образования и повадки военного человека, но этого было недостаточно, чтоб составить представление о прошлом сорокалетнего человека.

Кто причислил вас к поэтам?..

В 67-м модный гардероб пятидесятих – шляпа, перчатки, кашне – Холин сменил на неожиданный и не очень ходовой стиль «а ля экз» – зеленый ватник, солдатская шапка, сапоги. Чрезмерного бого-

любия за ним я не замечал, но кто-то видел его в костеле Святого Людовика на Малой Лубянке. Прошел слух, что Холин тайно крещен в католики.

Счастье не в шляпе! – сказал Овсей Дриз.

Прозаический коллаж, названный им «Кошки-мышки», писался при мне. Я был первый слушатель этого бесконечного, круто стилизованного сказа, где мелькали плохо законспирированные знакомцы: живописец Дверев (Зверев), вдова Посеева (Асеева), песенник Дымокуров (Винокуров), поэт Волин (Холин) и т. д. На мой взгляд и вкус, этот коллаж комических явлений и персонажей, за исключением поразивших меня стихотворных вкладышей («брать вашу тать, тетя вашу меть, тить вашу дить, нить вашу пыть»), написан небрежно и сыро, без «силы, заложенной в словах», о которой говорил Даниил Хармс. Сам Холин не раз повторял, что «с сюжетом у меня нелады, да и слова хромают», однако роман пошел по рукам.

Повесть никому не известного бродяги Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки», ходившая в списках параллельно – бытовые и очень яркие зарисовки с натуры в движении электрички, – ах, какая находка для театра и кино! – значительно превосходила холинский концептуальный коллаж.

Великий поэт, отлично звучавший в поэзии, в беллетристике оказался беден на выдумку и ограничен в стиле.

Раз в месяц в подвал приходила его дочь Людмила, мясистая и рослая блондинка лет двадцати. Они усаживались в угол и тихо мурлыкали о своем. Она собирала большой узел грязного белья, а он запихивал ей деньги в карман, приговаривая «доченька, доченька, возьми», что меня всегда поражало в таком суровом на вид и неприступном дяде.

Люда училась в полиграфическом техникуме на метранпажа, и перед уходом аккуратно исправляла синтаксис его писаний.

Поэт и любовь.

Предшественники Холина, футуристы, не считали Эрос предметом, достойным вдохновения. Его заменили паровоз и пятилетка, мыло и клозет коммунизма. «Мария – дай!» – это все от эроса Владимира Маяковского. Стихотворец Юрий Верховский великодушно пыхтел: «Останутся полушки, куплю Маше подушки». Суждения Холина на эротический счет отличались лапидарностью военного приказа: «Полюби меня – сука!»

Предсмертные стихи в духе дзен выдают открытый русский мат вместо эроса: «Как чудесно звучит слово х...!»

Комментарии излишни. У Холина не гимны любви, а бюллетень больного барака.

Я помню горячее увлечение Холина красавицей Валеи Филиной, «предавшей» его ради московского фарцовщика, долгую связь с Евой Уманской, опять «предавшей» его ради иностранца, помню и безуспешные попытки овладеть иностранным капиталом – Камилла Грей, Жанна Болотова, Ольга Карлейль – но яркой, страстной любви я не замечал. О женитьбе он говорил часто и охотно, особенно в обществе вечно влюбленного шизофреника А. Т. Зверева, и всегда с ухмылкой бывалого воробья: мол, на гнилой мякине нас не проведешь.

В мае 67-го мы полетели на отдых в Крым. Из Симферополя разбегались дороги по волшебным уголкам побережья: Форос, Симеиз, Гурзуф, Судак, Коктебель, Алупка – и сразу начинался кадрез отдыхающих чувих. Кадрить блондинок из Барнаула или брюнеток из Конотопа он умел как никто. От его кобелиного гипноза сдавались самые неприступные кадры.

«Ой, вы поэт, – таяла сибирячка, – а Евушенку знаете?» – «Знаю, дуся, живем в одном доме, – деликатно наезжал Холин. – Я вам все расскажу на веранде с калиткой». – «Ой, правда?» – и плелась за ним, как телка за ведром.

Я его спрашивал, как же так получается – одним взглядом, одним словом снять бабу, а он, лукаво ухмыляясь, отвечал: «Глядя на нее, даже палка у забора вставала!»

На запах суки он шел безошибочно и трахался без любви, как опытный бродячий пес.

Будучи внештатными артистами, мы не имели права на заслуженный отдых организованного климата и работали дикарями без удобств, в ужасной тесноте татарского сарая, под грохот морского прибоя. пляж на весь день в уютной бухте, а ночью молодецкий трах на ржавых раскладушках сезонных рабочих.

«Касаемся лепестков и проникаем вглубь этого охренительного царства», – записывал И. С. Холин.

Барачная муза Холина прошла мимо благодатной темы, тысячелетиями кормившей воображение влюбленных лириков.

Эпизод с одной подругой, точнее, «другом земного шара», следует осветить поярче.

Новый 1968 год мы встречали у Алены Басиловой, примерной ученицы Холина и «дамы с сюрпризами», по его определению, и сильно меня озадачившему. Она держала модный «салон» на Садовой-Каретной, в покоем на тонущее корыто строении на снос. Библейское лицо. Глаза с поволокой. Зовет в бездну.

Следует сразу заметить, что в длинной поэме «Умер Земной Шар» (1965), среди двадцати пяти особ женского пола лишь одна Басилова не просто «друг», как поэтесса Уманская, художница О. А. Потапова, или «художник» Дина Мухина, или «знакомая автора» Марина Надробова, или «по просьбе Сапгира» Таня Плугина, а «друг» с многозначительной приставкой «женщина»!..

Накануне праздника к нам в подвал заглянул дежурный фаворит «женщины», дантист Коля Румянцев, три года отсидевший за содержание подпольного борделя на советской земле. Он забрал деньги на шампанское и, сверкая золотым зубом, покотил дальше.

За час до полуночи, в метель и ветер, с ведром кислой капусты мы двинулись на встречу Нового года. У входной двери стоял приземистый живописец Эдуард Зеленин, сибиряк из чугуна и стали. Он прижал нас к стене и разъяснил содержание всех картин, покрывавших стены длинного коридора. Холин внимательно выслушал лекцию, похвалил сибиряка за смелый мазок и проник в тускло освещенную оранжевым абажуром комнату.

В густом табачном дыму люди провожали минувший год.

Сексуальный мистик Ю. В. Мамлеев шептал в ухо «мамке русской демократии» по кличке Лорик о людоедах Замоскворечья. Матерый реформатор стиха Генрих Сапгир обнимал пышную Оксану Обрыньба, искавшую жениха. Личный архитектор Солженицына Юрий Василич Титов молча чавкал в тарелке с борщом. Чернобородый сын знаменитого генерала Алексей Быстренин рисовал на столе чертей. Меценат в рыжем парике Сашка Адамович ублажал двух девиц, Эдельман и Жаботинскую, еврейскими анекдотами. Знаток французской лирики, чуваш Генка Айги внушал приبلудному португальцу Суаресу, что главное в поэзии белое на белом, остальное дерьмо собачье. Самовлюбленный Генрих Худяков, переделавший самого Шекспира на русский лад, яростно спорил со стеной.

Вокруг стола с едой, как мухи над невозной кучей, роились «самые молодые гении» с гранеными стаканами в руках. Они прыгали с места на место, втыкали окурки в тарелки соседей, орали, пили и толкались. В темном углу на собачьей подстилке храпела пара самых видных «смогистов», Ленка Губанов и Мишка Каплан. На черном троне неизвестной резьбы, вся в фальшивых бриллиантах, восседала «женщина» Алена Басилова с поклонниками по бокам. Харьковский закройщик Лимонов чистил горячую картошку, а дантист с сияющим зубом разливал по стаканам водку.

Мы присели на край истлевшего дивана, где ядовитые пружины кусались, как змеи. За фанерной стенкой кто-то подозрительно громко трахался, не обращая внимания на общество.

Ровно в полночь, под бой кремлевских курантов, известивших о наступлении Нового Года, из угла выполз поэт Губанов, ловко прыгнул на стол с объедками, и как ненормальный завыл: «Ой, Полина, Полина, полынья моя!» Его прервал пьяный голос снизу: «А воспеть женщину ты не умеешь!» «Самый молодой гений» затрясся, как припадочный, опрокинул ведро с капустой, и с криком «бей жидов!» прыгнул на обидчика Каплана. Под звон и гам смогисты покатались по полу, кусая друг друга.

Гей, славяне!..

Войну поджигали со всех сторон. Как только верх брал Каплан, то все хором кричали: «Долой черную сотню!», как только выкручивался Губанов, то кричали «дай, дай ему прикурить!»

Пьяный португалец выл от восторга русской драки. Мистик Мамлеев закрылся в уборной, сославшись на боль в животе. Сапгир заказал такси и смылся с возлюбленной.

Диалектика русского барака.

Игорь Холин выпрямился, как ружейный штык. Из узких глаз полетели такие острые пули, которых я еще не видел. Командирским голосом он приказал:

– Тихо, дать вашу рать!

Жаль, что вас не было с нами. Какой театр! Народ затих. Драчуны расползлись по углам. Дантист и закройщик разлили шампанское. «Женщина» Басилова потрянула брильянтами. Холин произнес новогодний тост:

– Не спешите в гроб, господи!

Я подумал, что Холин был не простой солдат, а боевой капитан в настоящей войне.

Русские обожают памятники. Нищая страна возводила многотонные и дорогостоящие монументы вождям, военным, космонавтам, писателям, художникам, героям труда и войны. Памятники Александру Сергеевичу Пушкину, «солнцу русской поэзии», повсюду, в бронзе, мраморе, гипсе, глине, дереве.

У Холина были свои счеты с Пушкиным.

Он шел на Пушкина узкой тропой нигилистов – «сбросить Пушкина с корабля» (Давид Бурлюк) и бил не по «солнцу», а в «многопудье» (В. Маяковский) казенных почестей.

Значит, по Пушкину, пли!

На православную Пасху (1968) у церковной ограды крестного хода, с торжественным «Христос воскрес из мертвых, смерть смерть поправ...» Холин вдруг ляпнул: «Вы знаете, а ведь Пушкин был большевик». Пушкинист Люба Авербах, новое увлечение поэта, вспыхнула, как спичка, от возмущения. «Нет, Игорь Сергеевич, Пушкин – свет, цвет и бог России, а вы – провокатор и бес!»

Я, знавший наизусть три сезонных пушкинских куплета (четвертого, летнего, не помню) – «гонимы вешними лучами», «уж небо осенью дышало» и «зима, крестьянин торжествуя» – с восхищением смотрел на Любу, с блеском разносившую неуместный выпад Холина – от поразительных, совершенно мне неизвестных примеров мелочей биографии до цитат: «вхожу ль во многолюдный храм», «анахорет молился Богу», «Бога глас ко мне воззвал» и фактов бесспорной церковности и православия великого поэта.

«Закон Божий и церковные правила Пушкин знал изнутри, не читая книжек религиозно-философских кружков, – расходилась Люба Авербах. – Его поэзия – непрестанная молитва подвижника. Наш «сверчок» пел любовь, а значит, Бога! Вера и любовь, соблазн и раскаяние – всегда вместе. И лежит наш «Сашок» Пушкин на Святой Горе. Вперед к Пушкину!»

Однако последнее слово осталось за Холиным:

– Люба, ставьте памятник Холину, а не Пушкину!

Тут все вокруг дружно рассмеялись.

В литературе о Холине промелькнула заметка Яна Сатуновского, где говорится, что «Холин нашел себя в августе 68-го на похоронах тестя Сапгира». Конечно, почтенный лирик имеет в виду не творческое

начало Холина, а новый поворот, определяемый специалистами как «литературный концепт». Перестройка фразы, переделка слов и смысла начались задолго до похорон тещи, но в стихах «Дорога Ворг» (1969) – «дорога Ворг ведет в морг» – музыка абстрактных столбцов и барачная заумь сошлись в яркий союз.

Поздней осенью 68-го, возвратившись из деревни, где я проживал до первых заморозков, на пустующем мольберте я обнаружил машинопись холинской «Эрики», не пробивавшей две буквы – стихи, адресованные мне, «Вал. Воробьеву»: «Приходи ко мне в гости / Мой адрес вселенная Фрезер / Галактика 9 Планета 24» и дальше: «Берегись автомобиля / Пешеход! / Береги себя от пыли, / Пешеход! / Берегись от болезней, / Пешеход! / Витамины нам полезны, / Пешеход! / Вот в киоске авторучка, / Пешеход! / Вот кафе, зайди с полочки, / Пешеход! / Выпей водки, съешь сосиски, / Пешеход! / На заем идет подписка, / Пешеход!»

Слово «пешеход» в ритме маршей братьев Покрас («загудели, заиграли провода – мы такого не видали никогда») повторяется восемь раз!

Образец холинского концепта!

Менялась тема сочинений, но незримое присутствие барака повсюду – в космосе, в метро, в кафе, в мавзолее, в аптеке.

Герой Холина, где бы он ни обретался, оставался барачным тараканом, недостойным сожаления.

По Холину, барак не выдумка коммунизма, не шестая часть света, а вся планета, вся вселенная – барак! И никакие перестройки сознания не меняют этой сущности.

Полгода – немалый срок. Холин успел сменить одну вселенную на другую. Я его обнаружил в однокомнатной галактике, в Кузминках.

Важная деталь: у Холина жил негр. Дочерний квартирант. Африканский демократ с твердой валютой. Негр занимал главную жилплощадь планеты с видом на дикий лес, а хозяин спал на кухне, под газовой плитой. Почему знаменитый поэт сдавал комнату негру, показало время. Прямая связь с мировым рынком сбыта шла через чернокожего демократа.

Над газовой плитой я увидел обширный, шитый парчой и золотом фигуративный ковер с названием «Положение во гроб». Церковное украшение такого рода в келье свободомыслящего поэта меня удивило.

«Гробман учит меня меняться вещами», – коротко и содержательно сказал он. Коллекция выше революции.

Ни облавы, ни тюрьмы, ни штрафы не смогли победить собирателей почтовых марок, значков, ковров, прялок, самоваров, икон, писем, книжек, картин, шкатулок.

Старьевщик победил большевика.

Художник, поэт и барахольщик Миша Гробман жил в соседнем квартале «Текстильщики» на Третьей улице, дом 17, корпус 2, квартира 7.

«Видишь, Холин, – встречал он знаменитого соседа, – в каком убогом жилье шириной два места, в какой дикой стране мы живем?» – и добавлял решительно: «И все равно я буду охотно меняться с тобой вещами!»

Не корпус, а барак!

Гробман черной ваксой рисовал на тюремных стенах и сочинял стихи в мистической интонации: «И лунный свет стучит в оконное стекло...»

Среди барахольщиков Москвы он занимал видное место. За годы упорного обмена и безжалостной торговли на износ противника он собрал внушительную коллекцию нелегальных рисунков, сотни редких книг, тысячи икон и грампластинок. Сокровища размещались в кривой дыре с ветхим балконом.

Гробман быстро пристрастил Холина к новой и захватывающей деятельности с постоянными деловыми встречами. К Холину на кухню зачастили нужные люди черного рынка, маклаки с битком набитыми чемоданами, букинисты, старьевщики, фарцовщики, продавцы комков. Приносили иконы, прялки, вазы, картины, кинжалы, стулья, а уносили японские транзисторы, голубые джинсы и фирменные диски.

«Мастер оф церемони» в преступном сговоре!

Значение квартиранта иностранной связи росло на глазах.

На первый и поверхностный взгляд, фарцовка, или «незаконный промысел» советских уголовных кодексов – занятие, далекое от эстетики, а если копнуть поглубже, то эти человеческие дисциплины поставлены на один и тот же фундамент искусства слова и дела.

Поэт Холин не наживался, а играл в торговлю.

«30 сентября 1971 года, в четверг, мы с Ирой, Яшенькой и Златкой уехали в Изра-

Жить – значит не только меняться, но и оставаться собой.

П. Леру

иль», – записал в походном дневнике Михаил Гробман.

Культура в России всегда была упрощенным видом спорта. Художник Гробман задыхался в «текстильщиках» коммунизма, антисемитизма и революционного барака. Он первым упаковал подержанный чемодан с семьей, и легальным путем, с позволения власть имущих пролетариев, вылетел на историческую родину. Полколлекции откопчало к И. С. Холину.

За Гробманом, как за Петром Первым, прорубившим окно в Европу, потянулись социально близкие тунейдцы, евреи, поэты, танцоры и шахматисты...

...Олег Прокофьев, Миша Шемякин, Осип Бродский, А. А. Галич, Юрий Мамлеев, Генрих Худяков, Эдик Лимонов, Наталья Горбаневская, Лидия Мастеркова, В. Я. Ситников, Ева Уманская, Валя Воробьев, Александр Глезер, Оскар и Валя Рабины...

Проводы, проводы, проводы!..

Где же Холин в этом перемещении народов?

После полета собак (1957) и майора Гагарина (1961) в космос, поэт создал цикл «космических стихов». Шутка ли, над землей поднялся знакомый барак! Холина потянуло наверх, в ледяное безмолвие вселенской тьмы, куда полетел «Моссовет», «старый сапог», «керосиновый жбан», «стройтрест Заря», «кровельная жесь» и еще дальше, к созвездиям Пса, где открылась «война из-за говна», к иным планетам, где «толпа россиян изнасиловала марсиан».

«Мирознание / Это / Я».

Галактика исправительно-трудовых лагерей.

Можно подняться над землей, над планетарной суетой и тараканами, но не всем дано подняться «над собой».

Холин поднялся! Вознесся!

Никто из русских поэтов не поднимался так над собой.

Бесподобный Холин!

Он поднялся в самую опасную зону галактики, в зону ледяного бесстрастия, в зону полного равнодушия.

«Мы свет из тьмы!»

«Пишу – дышу!»

Холин – Сатурн!

О политическом кредо такого вознесения над планетой говорить не приходится. В этой галактике ледяной свободы нет Бога и Сатаны, арабов и евреев, Москвы и Парижа, господ и рабов, скотины и зверей, враж-

ды и зависти, навозных червей и жуков, книг и самоваров, коверкотового макинтоша и музыки.

На лихорадочную эмиграцию земляков Холин смотрел с олимпийским спокойствием барака.

Между проводами двух художников – Красного и Купермана – мы встретились на похоронах Гаяны Каждан (1973), любимой ученицы Е. М. Белютина, мгновенно сгоревшей от саркомы во цвете лет и творчества. Холина я не узнал. Он выглядел не эзком, а английским лордом под дождем.

Модный реглан «шако», клетчатая шляпа, роговые очки и дождевой зонт с резной ручкой.

Седеющий щеголь на кладбище!..

В результате немислимых квартирных обменов он сумел обеспечить жилплощадь стареющую Марию Константиновну, замужнюю дочку с внучкой, а сам обосновался в уютной квартирке уехавших в Израиль евреев.

И – Холин снова мой сосед! Мой квартал – Сухаревка, Склиф, Ананьевский 4, квартира 10 – адрес и место, неотделимые от вселенского барака.

У себя Холин представил мне отлично сложенную молодую женщину с выразительным конопатым лицом и сапогах выше колен.

«Ирина, – смущенно отвечала рыжая красавица, – Ирина Островская».

Мне показалось, что эта женщина занимает особое положение в жизни поэта, не временная «полюби меня, сука», а нечто прочное.

Женитьба? Семья?

Поражал и обогащенный словарь барачного авторитета. «Доска», «ковчег» «фуфляк», «оклад», «апокриф», «клеймо», «узор», «лик», «фомич». Иконографию Пресвятой Богородицы от двенадцатого до двадцатого века он знал назубок, и сходу отличал какого-то Прохора из Городца от манеры Мишки Лозина, фальшивый сплав Трипольского от подлинной бронзы Сапожниковова. В то время, как я мучился среди новаторов американской живописи, Холин проникал в духовные глубины русского народа, как упорный забойщик в угольной шахте.

Всю Россию под суд!..

Навсегда покидая барак русской цивилизации, я забрел к Холину прощаться. Выпить по рюмке, обменяться адресами, всплакнуть. Двери, закантированные в броню,

Валентин Вообьев. И. С. Холин, 1972 год

открыл седой Холин в пестром халате с китайскими драконами. Квартирка поэта, сверху донизу заваленная «вещами на продажу», походила на запасник антикварного магазина. На столе, покрытом древним кавказским ковром (неделю назад я видел его на стене художницы Л. А. Мастерковой, улетевшей в эмиграцию), возвышалась груда величественных фолиантов с медными застежками, вперемежку с залитыми лазурью крестами и кадилами. Сотни икон не висели по стенам, а стояли рядами, как книжки в библиотеке. Серебряные оклады метровой высоты, картины в облезлых рамах, колонны грампластинок с яркими надписями – «величайший в России склад граммофонов», «Я ждал тебя», «Резвился ликующий мир», «Не весь я твой», и сотни названий в том же духе.

Холин сел за стол, раскрыл фолиант и таинственным шепотом произнес:

– Крюковое письмо семнадцатого века, двадцать цветных украшений ручной работы, ты понимаешь, старик?

В бронированную дверь громко постучали. Весь в мыле, бросая гром и молнии, ворвался барахольщик Игорь Санович.

– Холин, – взвыл он, – меня обокрали! Кража со взломом, старик!

Предстоял нешуточный обмен опытом двух маклаков. По чьей наводке пришли грабители. Где могут объявиться вещи. Где найти верного слесаря. Сколько сунуть участковому. Я допил импортный портвейн и отвалил подальше.

Преступный сговор!..

Потом доходили слухи. Холин женился. У Холина родилась дочь. У Холина умерла молодая жена. Холин бросил писать стихи.

Капитаном Холин женился в двадцать пять лет, и вот, умудренный богемным опытом седой поэт пятидесяти пяти лет женится на женщине молодой, неизлечимо больной раком.

И самым торжественным, буржуазным образом: обручение в загсе под музыку Мендельсона, свидетели в строгих костюмах, свадебный банкет в ресторане «Метрополь».

«Видимо, – неуверенно заключает дочь Арина, – папа ее любил».

Любовь и гражданский долг.

Акушеры спасли новорожденного ребенка, но не мать. Отец рычал и бранился. Знаток барачного рая не сразу решился на отцовство. Три года сироту бросали на руки

опытных бабушек. Вдовцу хватило благоразумия не привести в дом мачеху. В 1977-м, когда дочке сравнялось три года, Холин основательно впрягся в должность воспитателя и кормильца.

Издатель его произведений, какой-то «афро-американец» Иван Ахметов, пишет: «18 лет Холин ничего не писал, пока дочка училась в школе». Пеленки, стирка, кухня, тетрадки, простуда. В 62-м он купил автомобиль «Жигули» и собаку Тунгус, потом избу в деревне Нагорное под Рязанью, а это сад, огород, природа, педагогика, починки и хлопоты. Годы изнурительного отцовства и фарцовки.

Да здравствует Холин!..

Политическая перестройка шестой части света, а с Берлинской стеной барак еще длиннее, свалилась на голову человечества, как бревно с потолка. Припадочная демократия упразднила бездоходные тиражи «блокнота агитатора», но не копнула глубже, в позор векового барака. Выгодные тиражи порнографии и полицейское читиво попали в руки заслуженных разбойников пера с многолетними партийными связями.

Народ стал хуже!..

«И восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Бытие, 4/12).

Иссяк источник глумления – «совок»!

А где «Главлит»?

Без мистики и тут не обошлось. Появились «господа банкиры». Еще не ушли профессионалы мордастой прозы, как выползли уродцы группового секса с криком: «Деньги нам!» Проворные художники андеграунда торговали на Западе мусором. «Советский мусор выше Лувра», – вычислял «цадик из Бердянска» Илья Кабаков. За грамматические ошибки не сажали в тюрьму. В Кремле выступил коммунист с крестом на шее. Нелегальный бизнес скис. Появился наследник престола великий князь Владимир Кириллович. Вернулся из эмиграции литературный власовец А. И. Солженицын. Главный кассир коммунизма украл деньги и сбежал в Америку. Вор в законе и боевой генерал дрались за сибирский алюминий. Откуда-то вылезли нищие и бродяги. Берлинскую стену растащили на сувениры. Прибалты сбежали к немцам опять. Вселенский барак покачнулся, но устоял.

Огонь по своим!..

В кооперативном ларьке Сашки Адамовича с вызывающим названием «Гном»,

где торговали запретным самогоном и матрешками, великого И. С. Холина встретила бурными, продолжительными аплодисментами кучка пузатых бородачей и слинявших от долголетнего подполья поклонниц.

Ликбез барака выбрался на волю.

«Смотрите, живой Холин!» – орали любители барачной литературы. Холин выправил офицерскую спину и зачитал сверхпоэму «Умер Земной Шар», по ходу дела добавляя в текст визжавших от восторга «друзей земного шара» – Пригов, Сорокин, Рубинштейн, Жданов. По просьбе Воробьева и Гробмана в поэму вошли черноморец Олег Соханевич и кинетист Нуссберг, поэтесса Кароль К. и абсурдист Бахчанян, издатель и поэт Кузьминский.

Триумфальное путешествие «по европам» (1989) я наблюдал издали, из парижского или альпийского далека. В златой Праге поэта встречал старожил города и «друг земного шара» Виталий Дмитриевич Пивоваров. Художник, издатель, журналист.

Праздрой со шпикачками!..

В вишневом саду русской эмиграции, в захолустном Париже, «среди дерев неиз-

вестной породы», как зло ковырнул бард Алексей Хвостенко, на подворье Виталия Казимировича Стацинского, где есть отдельный сортир с водосливом, Игорь Холин опять во весь голос читал «Земной Шар Умер».

«Нет, Стацинский, – уверял Холин старого товарища, – твоё подворье не барак, а парижское кладбище, а барак – это я!»

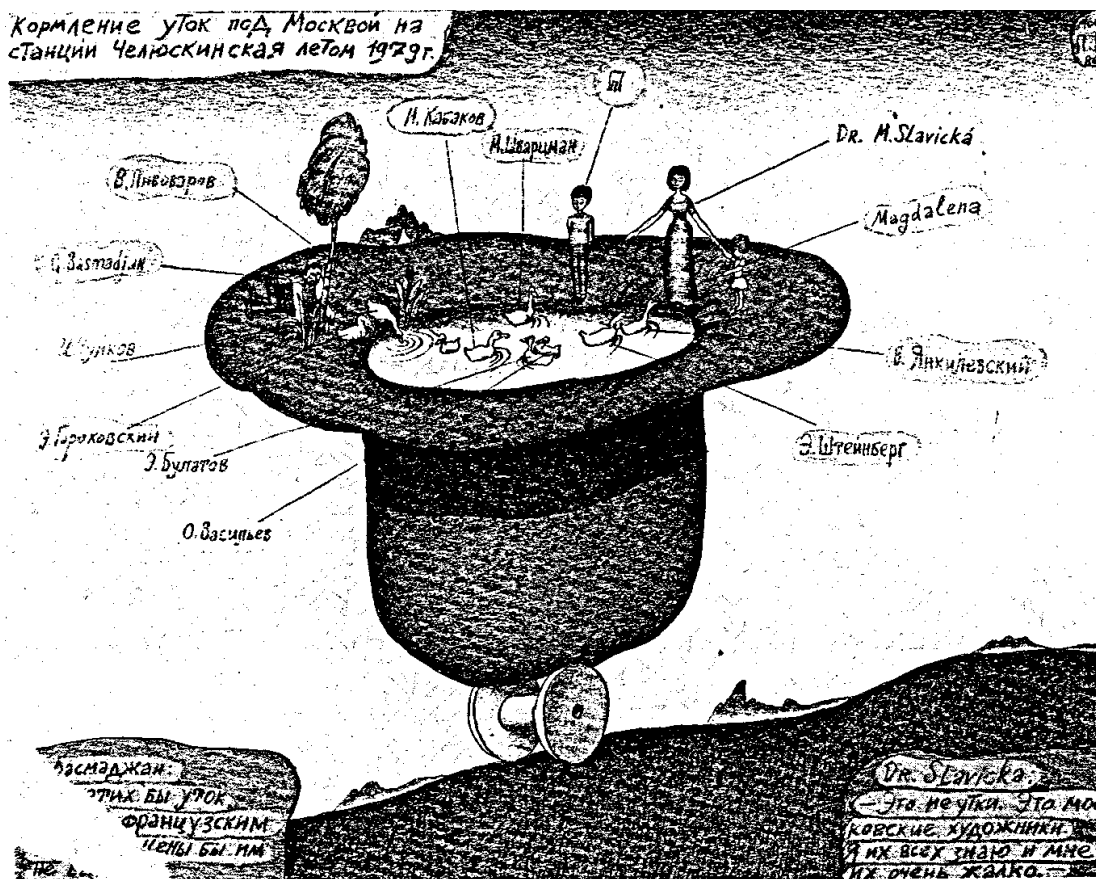
В давнем споре с Пушкиным – сатирическая новелла «Памятник Печке» (1993), где мишенью глумления служит сборная эмиграции, – Холин и Пушкин предлагают мудрое и гуманное решение: памятник ставить не им, а согревающей пищу и человечество железной «буржуйке» нищеты, горячей печке, за что мы искренне аплодируем обоим поэтам.

Друг Земного Шара поэт Холин не любил смерть.

«Я ее, суку, в гроб заколочу!»

Теть твою меть!..

Холин болел и много работал. В юбилейные дни социально близких барачников Лианозова – двадцать лет «бульдозерам» (1994), тридцать лет «Дружбы»

(1997) – Холина вывозили как свадебного генерала на люди. Желаящие видели, что барак жив.

Стихи Холина неперевоимы. Перевод – абракадабра.

В семьдесят лет он принялся за прозу. Просят. Идет. Платят.

К старому поэту пришел настоящий издатель глянцевого книг. Демократ. Частник. До солидных денег еще далеко, но храбрец дает тираж читателю. Холин освоил компьютерную технику и торопливо собирал книжку избранных стихов. Время стерло память о датах и фактах. Подпольный читатель был непривередлив и стар. Новый читатель требовал точности и ясности, неизвестной андеграунду.

В прозаической новелле «Иерусалимский пересказ» речь идет о барачном маскараде с участием чертей, солдат и Сталина – вдруг явились знаки особого, восточного зорев. В 77 лет автор решил, что составители библейского свода, допотопные герои человечества, жили на земле неспроста, у них был свет и, возможно, цвет.

С подачи торгового дома «Сотбис» (1988) в России сформировали отряд валютного авангарда. Выдвиженцы международных смотров торговали мусором советского времени, не пачкая пальцев краской. Избранников перестройки Запад разрывал по кускам, засыпая медалями и деньгами. И. С. Холина туда не позвали. И стар и не нужен.

В загадочной поэме «Великий праздник» (посвящается Илье Кабакову) поэт горько и гордо заканчивает: «Среди непришедших Холин / среди умерших Соостер».

Певец вселенского барака устал. На звонки любопытных он отвечал: «Никого не хочу видеть. Сажу один. Мне хорошо».

У морщинистого, сухого старика с железными зубами и обвислой кожей водились деньги. За окном барака – Сатурн, тьма и потемки, ни самолетов, ни рек, ни теплой печки. За окном – особая зона, смерть и пуля при попытке к бегству.

Однако кое-кого он впускал. За неделю до окончательного приступа его навел на ху-

дожник Пивоваров с европейскими сувенирами, а восьмого июня он слег в камеру смертников.

«Я не думаю о смерти, – говорил он дочке Арине, – а о том, какая мысль будет последней».

О чем была последняя мысль, мы не узнаем. 15 июня его не стало. Покойника сожгли в крематории в присутствии зятя Саши с женой и дочкой. Любимая Арина застряла в Коктебеле с приятелем.

Всемирная эякуляция и межгалактические цунами!..

Говорить не о чем!

Холин всем смертельно надоел.

Бросить Холина с корабля.

Предлагаю человечеству увековечить память Друга Земного Шара Игоря Сергеевича Холина следующим образом:

1. Установить бронзовый памятник Печке на пустующем цоколе свергнутого монумента Феликса Дзержинского в Москве;

2. Переименовать поселок Лианозово Московской области в городок Друзей Земного Шара имени Холина;

3. Присвоить имя Друг Земного Шара: Ордена Трудовой Красной Знамени первой образцовой типографии имени А. А. Жданова, гвардейской мотострелковой дивизии особого назначения, атомной подводной лодке, одному из высших учебных заведений, дворцу пионеров города Новороссийска, проспекту или площади в Москве и по одной улице в городах Орле, Истре и Харькове;

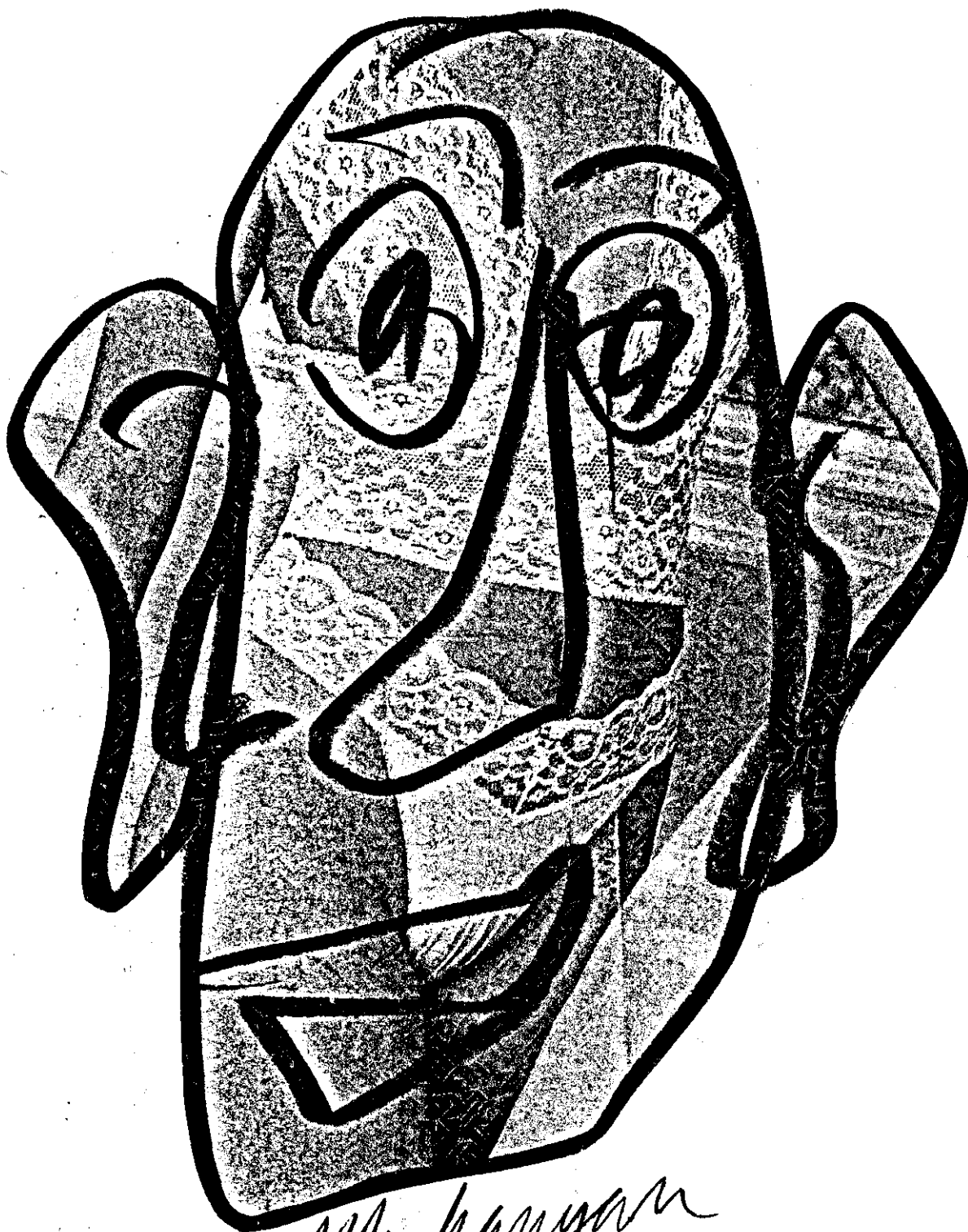
4. Установить мемориальные доски имени И. С. Холина на доме 4 в Ананьевском переулке Москвы, где он жил и работал последние годы;

5. Установить мраморный бюст на могиле И. С. Холина у Кремлевской стены.

Да здравствует Друг Земного Шара поэт Игорь Холин!..

(Бурные аплодисменты. Все встают. Возгласы с мест: «Да здравствует великий Холин!», «Да здравствует барак!», «Да здравствует печка!», «Ура!». «Интернационал!»)

Париж, понедельник 26 марта 2001 года

*Br Whelan
5/18/00*

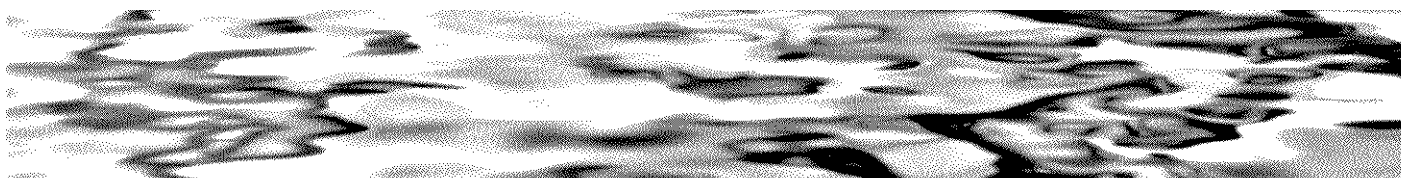

Подражание миннезингерам

*К чему о часе спрашивать дневном,
Когда ты сам во времени ином.*

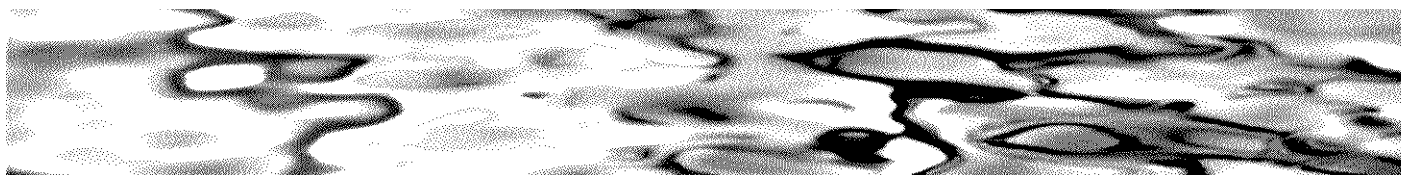
Гуго фон Монфорт
(перевод О. Чухонцева)

Иное время плотно окружает,
часы поблизости и в стороне.
Уткнулся в чужеземные скрижали,
в чужой одежке, не в своей стране.
Уже рассвет торопится с востока,
окрашены вершины, низкий куст.
Спасенье в утешительном потоке
банальностей для каждодневных уст.

Жить – значит походить на кого-либо.

П. Валери

Подражание Рильке, когда-то писавшему и по-русски

*Что будет? Ты не беспокойся
Да от гибели не бойся...*

Рильке, «Утро»

Утро куда-то наступит
пропадать сутолка дня.
Небо тучи насупит,
неразличим жест и поступок,
умирающих от огня.

Пугаясь от вечер,
а тем боле – боль и ночь.
В ней будет никто навстречу,
руки не взденет на плечи,
просто отойдет сторона прочь.

Подражание Бунину

*Люблю и вас, дагерротипы,
Черты давно поблекших лет.*

И. А. Бунин

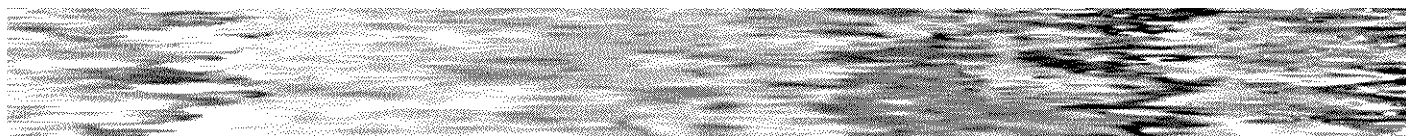
Петербург

Люблю парадных лестниц витражи,
кошачий запах лестниц черных.
Люблю, когда взлетают этажи
у края площадей просторных.

Люблю лошадок на крутом мосту,
неблагодарно рвущих повод.
Их бронзовое ржанье за версту
гремит и будоражит город.

Среди сумятитцы Пяти Углов
почувствовалась угловатость
прямых людей, стареющих домов...
Верней – их чистота и святость.

Стоял у Белой Ночи на часах,
упился на Фонтанке водкой,
ценил святых на синих небесах,
люблю людей на желтой фотке.

Вацлав Ас. Из тетради «Подражания». Начало на стр. 22

Подражание упражнению

*«Корабли лавировали, лавировали,
да не вылавировали...»*

**Упражнение по технике речи
в театральном училище**

Лавирование

Корабли лавировали в бухте,
да и вылавировали в океан,
где превалировал с бухты-барахты
бравирующий ураган.

При урагане активизируясь смело,
лавируя, мотивировали корабли,
многовалентность задела
абстрагированность от земли.

Листья пролавировали в осень,
завуалированно боясь снегов,
когда занивелирует проседь
велеречивость пашен и лугов.

А. И. Гурфинкель

О друзьях и приятелях (отрывок)

Вначале их не было вовсе. Рос маменькиным сыночком: послушным и толстым. Играл сам с собой. Так маме было спокойней. Со двора уходить запрещалось, несмотря на очень малую вероятность угодить под трамвай. Бегать запрещалось – вспотеешь. Это опасно для здоровья: вспотеешь – простудишься. Если приходилось этот запрет нарушать, то отсиживался какое-то время в сарае. Но у мамы глаз! Ее не проведешь.

Игрушки – всякие железки, которые назывались «части». Имелись в виду детали. Это было унаследованное хобби, не развившееся ни во что путевое. Молотки, клещи, ножки – это от отца. От него же и самодельные игрушки, главным образом – милитаристские. Такое время, кругом враги, классовая борьба обостряется.

Еще были животные. Легальные, полулегальные и нелегалы. К первым относились кошка Кацайка и крупный двор-терьер Пупсик. Во вторую категорию попадали потомок овчарки Голос и ничейный шпиц по имени Сучка. Нелегалами выступали все щенки и бездомные котята, которых я приволакивал из жалости. За что неизменно получал от мамы втык и приказ унести немедленно со двора.

Первым настоящим другом стал соседский мальчик Шия (Иошуа). Сын репрессированного, он приехал с мамой к бабушке перебыть некоторое время. Я об этом узнал значительно позже.

Играли мы хорошо. И если спорили о роли в игре, например, кто будет Лангером (местный немец-золотарь), то обходились без ссор и драк. Через год-два он уехал.

Встретились мы после войны в Новоград-Волынске. Его теперь звали Александр. Был он очень красивым парнем: высокий с атлетической фигурой, светлыми кудрями и обаятельной белозубой улыбкой. Любил и умел петь народные украинские песни. В свои не полные семнадцать успел приобрести профессию столяра. Учился в вечерней школе, работал, много и успешно увлекался женщинами. Несмотря на два года разницы в возрасте, у нас уже было очень мало точек соприкосновения. В пятидесятые годы мы виделись во Львове, где он учился в строительном техникуме. Дамы его влекли

по-прежнему, а может быть, и больше. Но их выбор, на мой взгляд, мог бы быть и интересней. Думаю, что при ином раскладе жизни Александр мог бы стать личностью незаурядной. Многие из отпущенного ему природой осталось нереализованным. Наверное, все было бы по-другому, если бы его не лишили отца.

Какое-то время, перед поступлением в школу, были игры со старшей сестрой. Она обучала меня грамоте, ставила оценки и записала в библиотеку Пионерского клуба (бывшая синагога).

Там строгая Лия Павловна (Лийка-Палка) выдавала книжечки и при обмене требовала пересказать содержание прочитанной.

Там же мы подружился с лийкиным сыном – Минькой (Мишей Миньковским). Озорник, выдумщик – Мишка горазд был на всякие авантюры, но при этом очень часто попадался и бывал бит строгим папашей или получал увечья. Так, во время игры на стройке рухнул в котлован и ободрался о торчавший гвоздь – накладывали швы на ягодицу. Другую ягодицу порвал ему пес, опять ходил с наклейками. Это, разумеется, повышало его авторитет в моих глазах. Кроме того, Миша был старше, опытнее и каждый год ездил с родителями в город Харьков к родственникам. Там

он видел высоченные дома с лифтом и катался в троллейбусах – предметы совершенно фантастические, которые я представить себе не мог при всем напряжении ума.

Естественно, что в нашей паре Миша лидировал, а я повиновался. Так мы дружно скандировали: «Дай бог – Пивень сдох, я поставлю свечку!». Пивень была кличка многочисленного семейства Вальдманов, Мишкиных соседей и дальних родственников моей мамы. Тот факт, что мерзкую дразнилку мы кричали, спрятавшись в палисаднике, не гарантировал от разоблачения и наказания.

Еще одним объектом нашей агрессии был толстый Эли-Герш с нашей улицы. На кличку «Эли-Форц» он реагировал очень остро и по шее мог надавать при случае вполне ощутимо. Мишу это не могло остановить, а я не мог отстать от друга. Тем более что он мне покровительствовал: научил играть в различные настольные игры, был своим человеком в Пионерском клубе, заступался на улице. Не всегда, правда, удачно. Так, он стал угрожать мальчишке с украинской околицы, обещав прибить, если тот меня тронет. И тут же сам схлопотал пустой бутылкой по голове. Спас Мишку кожаный шлем – «Летчик», которые были в моде до войны.

Воспитывали Мишу «по науке» и я ему не завидовал. Сам видел, как мамаша заставляла его есть очистки огурцов – средоточие витаминов, глотать рыбий жир и пр. А от папы, специалиста по раскрою кожи, висела на стене плеточка. В деле видеть ее не пришлось, но ассоциации она вызывала неприятные.

Иногда в нашу компанию вливался Беба Березнер. Это уже была критическая масса! Он беспрекословно становился лидером, а проказы и шалости – значительно остромнее, изощреннее и удачливее. Беба обладал покоряющей (взрослых) внешностью, был не по возрасту осведомлен о многих сторонах жизни. В том числе, и о взаимоотношениях полов. Последней информацией делился весьма охотно. Артистичность и изящество, как свойство природы, вызывали симпатию и позволяли уходить от наказания за шалости. В компании Бебы и Миньки я мог только изображать толпу и пассивно участвовать в деле на правах младшего и увальня.

Не знаю, как сложилась судьба Бебы, он вполне мог стать комбинатором типа Остапа Бендера, сделать карьеру в мире искусства или в бизнесе. Правда, для последнего наш период был очень неблагоприятен

и вполне мог завершиться зоной.

Потом у меня завелся приятель Гришка Талимончук. Его родители работали в колхозе, дом и хозяйство вели по-крестьянски. Мне было крайне интересно в их доме. Там царил полумрак и стоял устойчивый специфический запах. Горела лампадка под иконой. К потолку была подвешена плетеная из прутьев зыбка. В ней лежал младший отпрыск семьи, держа во рту тряпочку с жеваным хлебом вместо соски. Здесь можно было увидеть ткацкий станок, ступу и большую долбленную бочку для стирки в золе одежды и белья из дмотканого полотна. И многое другое, что сегодня найдешь разве что в музее.

Гришка на год-два старше меня, а поэтому уже работник: то коней со двора отогнать на конюшню, то на пастбище за коровой, то на ток к матери или на сенокос. И я с ним. Умел Гришка делать многое, трудовое воспитание поставлено на селе традиционно крепко.

В остальном был достаточно сер, но обладал хохляцким юмором. К развлечениям его дружков на пастбище я просто был физически мало подготовлен. И, наверное, неосознанно завидовал их способностям и близости к природе. Гришка впоследствии стал лесным объездчиком и горьким пьяницей. Общаться с ним стало совершенно невозможно.

Интересно, что у Гришки и у его братьев была вполне заурядная

внешность, а их сестра Ева – поразительной красоты девушка. Но это уже о другом...

Из одноклассников довоенного периода (всего три года) никаких прочных привязанностей не припоминается. Как и в первый год проживания в эвакуации в городе Сталинабаде.

Помню, что очень трудно было разобратся в особенностях восточного среднеазиатского быта. Еще труднее во взаимоотношениях прибалтненых ребят с заводской окраины с их феней (сленгом). Оказалось, что живут там не только таджики, узбеки, татары, но и мордва, хохлы, чувашаи и другие. Как будто русские, но не совсем.

Первым приятелем моим стал Юрка Недбайлик по кличке Козлик. Был он немного старше, но значительно опережал меня в физическом развитии. У него была большая круглая голова, маленький нос с проваленной переносицей, глубоко посаженные глаза под низким крутым лбом и фигура гимнаста. С Юркой мы ходили купаться в вонючий пожарный водоем, где я и научился плавать, на большой арык, а потом и на стремительную, горную речку Душанбинку с ледяной водой, изменчивым руслом и обкатанными камнями.

Там, на речке, проходила значительная часть длинного летнего дня. Играли в обычные для этого возраста игры: имели свой остров, строили там шалаши, ловили рыбу, разводили костры и т. д. Но основное время тратилось и на вполне реальное добывание еды. Самой разной. Интеллектуалом я бы Юрку не назвал, даже если бы знал такое слово, но научил он меня многому. Под его руководством мы сплели сак для ловли рыбы в большом арыке. С ним лазали по тутовым деревьям, набивая животы сладкими ягодами, заготавливали на зиму кизяк, воровали овощи на огородах и картошку при перевалке из грузовиков в подвал. Именно Юрка научил меня проникать на территорию мясокомбината по крыше общественного туалета, в обход многочисленных страшных цепных волкодавов, бегавших по периметру высокой глухой ограды. Там, в цехах, работали наши мамы, которые могли исхитриться покормить нас куском вареного мяса или батоном колбасы. Нам было по 12-13 лет, мы росли и есть хотелось постоянно. Это во многом определяло и стимулировало наши действия, которые не всегда находились в полном согласии с законом.

Однажды Юрку осенила идея настричь шерсти с бараньих шкур, которыми были загружены платформы на железнодорожном выезде из комбината. Идея была реализова-

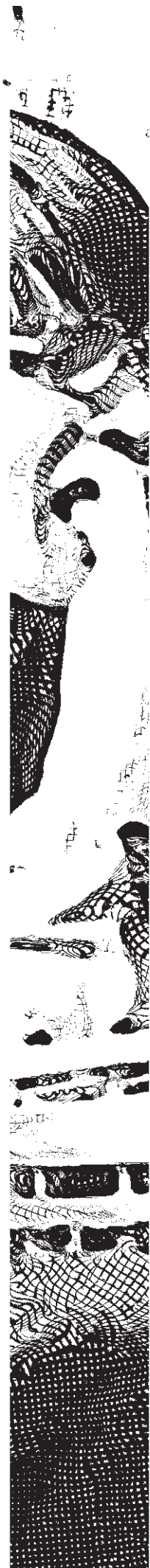
на. Забравшись на платформу, мы настригли по полной пазухе отличной шерсти (выбирали овчины попушистее). Затем эту шерсть продали старушкам на ближнем базарчике, а на гонорар приобрели горячие узбекские лепешки.

После нескольких удачных набегов на золотое руно нас засек сторож. И если бы в нас угодил хоть один камень из тех, которые тот метал сверху с обрыва, – мало бы не показалось.

Миновали нас и камни бабая, у которого мы иногда снимали пробу с персиков. Он и вовсе пользовался для этой цели луком с двойной тетивой и кусочком кожи для камня вместо стрелы. А по саду бегал кучук (азиатская овчарка) с обрезанными ушами и хвостом. Но Юра придумал простой, как все гениальное, вариант: один из нас, не перелезая забора, бросал палки по деревьям над арыком, а другой вылавливал трофеи ниже по течению. Только много позже я узнал, что персик – мягкий, нежный и сочный фрукт. Но и добытые нами, незрелые, тоже шли неплохо.

Чтобы закрыть гастрономическую тему, следует помянуть и фирменное юркино блюдо. Весной, когда в гнездах появлялись птенцы, уже подростки, но еще не умеющие летать; мы их добывали, нанизывали на проволоку и жарили на костре. С точки зрения защитников природы, занятие неприглядное. Но ведь и мы тоже были частью природы, которой хотелось кушать. Очень хотелось, постоянно!

Наш жизненный путь усеян обломками того, чем мы начинали быть и чем мы могли бы сделаться.
(А. Бергсон)

При всех достоинствах Юры ребята его не любили и частенько ему пакостили и дрались с ним. Вот он и водился со мной. То мы принимались делать ножи из ножовок, то пытались отлить кастет или свинчатку. Одному такая работа не с руки. Правда, и вдвоем мы достигали немного.

А мой статус был невысок: не умел я играть в альчики, жонглировать лянгой (кусочек козьей шкуры с длинным мехом и свинцовым грузиком). И самоката у меня не было. Не мог прыгать с моста, предварительно сорвав с головы проходящего узбека тюбетейку. После малярии стал проигрывать многим сверстникам в борьбе и драке, даже тем, кого недавно побеждал.

В школе следовало получить пару-другую двоек, чтобы быть как все порядочные люди. Сделать это было несложно, т. к. учебу никто не контролировал. В шестой класс пришли интересные ребята. Сын начальника заставы по имени Мюд – человек из другого мира. Приезжал верхом на лошади в сопровождении ординарца, который потом лошадь Мюда отгонял в часть. Привозил бутерброды из белого хлеба с яичницей. Кто такое видел? Но не он стал моим товарищем. Появился Вовка Голянский. На костылях, нога в гипсе. Год не учился из-за болезни. А история болезни может рассказать о многом.

Угораздило Володю сплясать танец «Казачок» на каком-то праздничном концерте. Это значило, что парень ссучился: сотрудничает с администрацией. И это плохо. Побить вечером в школе окна – это нормально. Попасты в тюрьму до окончания школы – так же естественно, как для еврейского ребенка поступить в институт после ее окончания. Был Володя побит жестоко. Угодивший в лодыжку камень сломал кость. Начался остеомиелит: время от времени кусочки кости выходили наружу через свищ. Нога плохо восстанавливалась.

Счастье, что родители Володи могли обратиться к специалистам, достать необходимые лекарства и просто накормить больного. Его семья была из Ростова. Отец – главный бухгалтер на мясокомбинате. Мать и дедушка тоже работали в конторе. А бабушка со стороны отца, высокая пожилая женщина с хорошей осанкой и аристократической внешностью, жила в нашем доме. Примечательно (к вопросу о социальной справедливости), что занимала она комнату таких же размеров, как наша, где обреталась две семьи. Только на втором этаже и с деревянным полом. Володе даже пригласили репетиторов по языку

и математике. Родители были тысячу раз правы: в нашей школе получить образование было невозможно.

Володя жил в доме напротив и мы стали много времени проводить вместе. У Володи была интеллигентная внешность, он был значительно более развит и начитан, что не могло не вызвать раздражения у криминальной братвы. Несмотря на то, что вечерами он рассказывал во дворе содержание «Трех мушкетеров» и других занимательных книг. Неприязнь вызывало интеллектуальное превосходство, остроумие и даже грамотная речь.

С окончанием войны, мы разъехались: Володя в Ростов, а я в Городнищу. Какое-то время переписывались. Он быстро женился. Прислал фотографию – портрет крупным планом. Белая рубашка, галстук, хорошо сшитый пиджак. И трогательная надпись: «Другу отрочества...»

* * *

Ровно тогда, как сомкнется
И расстанется
Новое время со старым,
В проталине
Между заснеженной тундрой
И мандариновой рощей
Жду тебя, путник.
Ты легко доберешься сюда.
Просто следуй дорогой,
Где с каждым неровным шагом
Отступает отчаяние
И утихает боль от потерь.

Здесь, в зачарованном месте,
Разрешается делать
Самые
Неслыханные
Подарки.

Я подарю тебе то,
Что сама утеряла давно.
Прими, пожалуйста,
Свежий соленый ветер
Моих шестнадцати лет.
Забери с собой
Солнечный сноп
Моих нерастраченных сил
И прихвати ощущение счастья
От того, что ты жив.

Немудреные эти дары
Должны пригодиться тебе
В долгих-предолгих странствиях,
Путник.
Хотя бы как память
О пересечении
Траекторий.

Поскольку мы шли
Навстречу друг другу,
Пора расставаться,
Продолжая движение
В одиночку:
Из начального плена
Вплоть до последней свободы.

P.O.Box 691539 Tulsa, OK 74169-153

Вилли Мельников

Стихи на муфтолингве

Неотвратительные секунды —
в Икарской океана,
в чьём плеске, замершем во-фрукт,
улыблась Юлия Пастрака.

Дверь-отопричник повзрослел.
В скорогоморрках стынет сера.
И озглавил Имхотеп
мир пирамидото Джосера.

Как, разозлира, ты группа!
за песни пратят в чектезимо,¹
Александрийская столпа
спешит скосить дворец озимый.

В китах кичит адреталим:
там хоровадолаз без шгема,
и досказательство своим
считает предопредиремма.

В противАга'сфер облучить
решишь углаго'рови веков сам!
Ворков ораторскую сшить
подай к столу немкогоосровцам,²

Мой зодиактоз часто врёт.
Благодарю, благовест-лоты!
ведь не боится болезной
сертификаторской работы.